

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

М.Н. Эпштейн

ТЕХНОГУМАНИЗМ: ТЕХНИКА КАК ТВОРЧЕСКОЕ САМОПРЕОДОЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Поэзия за пределами стихов

XXI век обещает стать веком великих поэзий и поэтик, далеко раскинувшихся за пределами книжных переплетов. Поэзия перестает быть пленницей букв и переходит в творение новых общественных и технических форм, в пересоздание жизни и космоса. При этом она остается поэзией, т.е. искусством метаморфоз, перевоплощения одного образа в другой по признакам сходства или смежности. Поэзия одаряет одни вещи именами других, объясняет неизвестное известным, а известное представляет странным и таинственным. Поэзия выходит из своей ранней, чисто словесно-стиховой формы и, как двигатель самых мощных, космических трансформаций, вооружается энергией науки и техники, инструментами всех знаний и профессий, чтобы так же волшебно преобразовать космос, как это раньше удавалось только в стихах. Физика, химия, биология, энергетика, информатика – все приходит на службу поэзии, которая определяет смысл развития технологий высшей целью, ранее достижимой только в словах: постичь единство мироздания, где все отражается во всем. Ныне то, что было метафорой, становится технической и биологической метаморфозой, сотворением новых видов жизни и разума. О могуществе этой сверхпоэзии, задающей смысл истории, можно судить по следующему маленькому словарику новых видов творчества.

Антропоэзия (*anththropoeia*; ἀνθρόπος, *anthropos*, человек + ποιέω, *poieo*, делать, производить; ср. *мифопоэзия*, *логопоэзия*) – сотворение человека или человеческого, совокупность всех практик, направленных на создание генетически или технологически измененных человеческих существ. К темам антропоэзии в широком смысле относится и сотворение человека Богом, и Голем, и Франкенштейн, и сверхчеловек Ницше, и производство людей из инкубаторов у Хаксли, и новейшие опыты клонирования, и работа над искусственным интеллектом, и движение трансгуманизма... Антропоэзия – это поэтика человекотворчества.

Биопоэзия (*biopoēia*; греч. *bios*, жизнь + греч. *poiein*, создавать) – искусство создания новых живых организмов, биопоэтических метаморфоз, трансгенных мутаций, переносящих искусство словесных образов, метафор и метонимий в язык генов, так что разные организмы и их хромосомы входят в новый поэтический ансамбль и слово выступает как модель развития живой клетки.

Космопоэзия (*cosmopoēia*; греч. *kosmos*, космос + греч. *poiein*, создавать) – искусство, обладающее всеми теми сенсорными средствами воздействия, что и сама реальность, включая обонятельные и осязательные. **Космопоэзия** осваивает все новые технические средства воспроизведения реальности и воплощает фантазию художника в полной чувственной достоверности, которая делает ее практически неотличимой от объектов реального мира. Со временем мы научимся создавать произведения не только изобразительного, или музыкального, или парфюмерного, но универсального искусства, обращенные сразу ко всем органам чувств (включая осязание), – столь же многомерные, как и сама реальность. В этом случае перед нами встанет вопрос: а не является ли сам космос произведением космопоэзии? Если это так, то физика, биология и другие естественные науки заново сомкнутся с теологией и эстетикой, как было на ранних стадиях их развития. Физика – это не просто изучение структуры материального мира, но изучение законов фантазии, мастерства, композиции, образности, пластического языка – той божественной **космопоэзии**, которая создала этот мир как произведение универсального искусства.

Социопоэзия (*sociopoēia*; лат. *socius*, спутник, товарищ, последователь + греч. *poiein*, создавать) – поэтическая сторона общественной жизни, в которой мы не просто исполняем отведенные нам социальные роли, но воистину играем их, играем в них, внут-

ренне дистанцируясь от своей функции / идентичности и воспринимая ее как метафору или метонимию, как перенос по сходству или смежности. Это карнавально-театральная, условно-игровая сторона социальности: мир – театр, и мы в нем актеры. «Гул затих. Я вышел на подмостки. / Прислоняясь к дверному косяку...» В сетевых сообществах наши внесетевые роли оказываются условными, мы играем в других людей, формируем себя по образу не-себя или не-только-себя, и эта не-себейность оказывается мощным фактором формирования новых метафорических сообществ, новой социопоэтической среды. «Золотою лягушкой луна распласталась по тихой воде». Луна принимает образ лягушки – в этом суть поэтического переноса, тропа. Как авторы, мы творим себя как аватаров: *аватарность и авторность* – две ипостаси социопоэзиса. **Социопоэзия** – это общество странников в иное, переходящих из роли в роль, «как образ входит в образ и как предмет сечет предмет»: общество мультивидуумов, где каждый есть в каждом. Это не шизофренически расколотая, а богатая, многородовая, «многосамостоящая» личность, которой тесно в рамках одного «я». Собственно, эта множимость «я», многосамие, всегда наблюдалась в актах художественного творчества, когда личность условно, на сцене или в романе, перевоплощалась в других. «Я противоречу себе? Прекрасно, значит, я противоречив. Я велик, меня – миллионы (*multitudes*)» (Уолт Уитмен). Личность вмещает в себя целый социум, а социум не подавляет, а поощряет ролевую игру личностей.

Технопоэзия (*technopoeia*; греч. *techne* – искусство, ремесло + греч. *poiein*, создавать) – поэтическая сторона техники как деятельности, воплощающей творческие устремления человека и символическое видение мира. Мосты, раскинувшиеся над реками, как рукотворные радуги; города, сияющие белыми небоскребами в голубой дымке; виртуальные миры, приносящие нам свободу фантазий и преображений, – все это **технопоэзия**. Техника не менее метафорична и символична, чем поэзия, но осуществляет эту энергию созидания не в словах, а в поэтически преображенной материи, где каждый элемент «играет» с природой, преодолевает силу тяжести, дальность расстояний, ограниченность телесных возможностей. **Технопоэзия**, воплощенная в авиации, ракетостроении, электронике, Интернете, новейших средствах связи и построения виртуальных миров – это техника как поэзия: она позволяет прозревать незримое, слышать неслышимое, глаголить многими языками.

ками, доносить свое слово до краев мира. Подобно пушкинскому «шестикрылому серафиму», она распахивает пространства земли и неба, утверждает многомерность и вседесущность духа. **Технопоэзия** – это техника как продолжение поэзии иными конструктивными средствами.

Как видим, даже в техноцентрический век поэзия не исчезает, а интегрируется в новые, сверхсловесные формы бытия.

Всех этих терминов с основой «-поэзия» еще нет ни в русском, ни в английском языках (в чем легко убедиться, поискав по Гуглу). Но я убежден, что они (или сходные с ними) войдут в язык. Чем выше могущество техники, чем шире размах космических преобразований, тем поэтичнее становится бытие, поскольку поэзия это и есть власть человека преображать мироздание, власть Орфея оживлять мертвое, завораживать живое и находить всему образ и подобие. От стихов, т.е. словесных заклинаний стихий, человек переходит к практическому овладению ими, и тогда поэзия становится миротворящим Словом. Не случайно главные термины поэтики: «образ и подобие» – уже даны в начале Книги Бытия как модель отношения Бога к человеку. «Сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему» (Быт. 1, 26). «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1, 27). Человек не тождествен и не противоположен Богу, между ними не логическая связь, а поэтическая, образная, основанная на уподоблении, сходстве. По образу и подобию Слова создается сначала человек, а затем по своему образу и подобию он пересоздает окружающий мир. В конце концов, и наука, и техника, и информатика – все это приемы поэтического творчества, т.е. средства раскрытия образа Бога в человеке и человека в мире.

Конец человека?

Одна из этих сверхпоэзий – антропоэзия, самостворение человека – тема данной статьи. Судьба человека в начале XXI в. все чаще рассматривается под знаком его исторического конца и вступления в эпоху **постгуманизма**. Идея сама по себе не нова. Еще в XX в. постгуманистические движения вдохновлялись ницшенской философской сверхчеловека, а затем постструктураллистской эпистемой «конца человеческого» (М. Фуко). Но к началу XXI в. идея

исчерпания и преодоления человека получила новый импульс в грандиозных успехах технической и особенно кибернетической цивилизации.

Сейчас становится все яснее, что медленная эволюция разума в форме человека как биологического вида подходит к новому рубежу – этапу ускоренной эволюции разума в виде информационно-кибернетических систем, быстро сменяющих друг друга на основе непрерывно растущих вычислительных и производительных мощностей. При этом возникают три позиции: две из них хорошо заявлены и общеизвестны, а третьей придерживаюсь я сам.

Первая позиция: **постгуманизм** (или **трансгуманизм**). В США еще в 1990-е годы возникло движение трансгуманизма, которое пытается соединить прорывы в области компьютерных и генетических технологий с философией преодоления природных ограничений, присущих человеку как смертному существу. На смену ему придут более совершенные киборги, бессмертные и бесконечно самосовершенствуемые технические или биотехнические носители разума. Постгуманизм нацелен на возникновение так называемой сингулярности, взрывной точки развития, которая современными футурологами, такими, как Рэй Курцвайл, прогнозируется на середину XXI в. Тогда созданные человеческим интеллектом механизмы и компьютерные системы выйдут на передний край эволюции разума и поведут за собой все более отстающих (а иногда и упирающихся) людей. Лучшее, на что может надеяться человек как биологическая форма разума, – это на свою внутреннюю техненизацию, которая дополнит технизиацию и роботизацию всего социума. Биологические, несовершенные органы все более будут заменяться искусственными, нестареющими, и возникнет непрерывный энергоинформационный обмен постчеловеческого техноорганизма со всей окружающей средой. По предсказанию Р. Курцвайла, уже к концу XXI в. мир будет населен преимущественно искусственными интеллектами в форме информационных программ, передвигающихся от одного компьютера к другому через электронные сети. Эти компьютерные программы будут способны манифестировать себя в физическом мире в виде роботов, а также одновременно управлять множеством своих программируемых тел. При этом индивидуальные сознания будут постоянно сочетаться и разделяться, так что уже невозможно будет определить, сколько «людей» или «разумных существ» проживает на Земле.

Новая пластиность сознания и способность перетекания из интеллекта в интеллект серьезно изменят природу личной идентичности. Физические, технологически неопосредованные встречи между двумя людьми в реальном мире станут исключительно редкими. То, что традиционно понимается под субъектом, растворится в информационных потоках и электронных сетях. Самоуправляемые компьютерные программы, как тютчевские «демоны глухонемые», будут вести беседу между собой¹. Такова позиция фанатов технического прогресса, искусственного разума и т.д.

Трансгуманизм – это внеакадемическое движение энтузиастов киберразума. Однако и в академических кругах растет интерес к новым технологиям и их воздействию на гуманитарные науки, порождая новое поле исследований, которое часто называют *posthuman studies* – «постчеловеческие» или «постгуманитарные» исследования. Хороший пример – влиятельная книга Кэтрин Хэйлес «Как мы стали постчеловеками: Виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике»².

Вторая позиция: **антитехницизм**. Все эти кибернетические организмы и мыслящие механизмы – дьяволы извращения и прельщения, посланные человечеству в наказание за гордыню и грозящие самоистреблением человеческому роду. Они опасны и неуправляемы, а главное, они овеществляют и обездушивают человека. Техника, и особенно высшая, интеллектуализированная техника, уводит человека от сокровенной истины бытия, от духовных глубин и божественных тайн... В этом антитехницизме сходятся многие верующие разных конфессий, руссоисты, фундаменталисты-националисты, традиционные гуманисты, экзистенциалисты, хайдеггерянцы, экологисты-зеленые и многие другие.

Третья позиция: **техногуманизм**. Это позиция взаимообусловленности и соразвития человека и техники в цивилизации XXI в., представление о гуманистическом смысле техноэволюции.

---

¹ Такое видение нового века изложено в книгах: Kurzweil R. *The Age of Spiritual Machines*. – N.Y.: Viking Press, 1999. – 400 p.; *The Singularity is near: When humans transcend biology*. – N.Y.: Viking Press, 2005. – 672 p. Подробнее об идеях Курцвайла см.: Эштейн М. Нулевой цикл столетия. Эксплозив – взрывной стиль 2000-х // Звезда. – М., 2006. – № 2. – С. 125–132.

² Hayles N. Katherine. *How we became posthuman: Virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics*. – Chicago; L.: The univ. of Chicago Press, 1999. – 364 p.

Техника – такое же проявление человеческого гения, как искусство (греч. *techne* и значит «искусство»). И если автор-художник дарует своим персонажам свободу от себя самого (и чем одаренное автор, тем более живыми, самодостаточными и своевольными предстают его персонажи), то почему бы не допустить такую же свободу и за техническими персонажами, вылепленными не из слов, не из красок и мрамора, а из квантов, атомов, лучей, микросхем, алгоритмов?

Техногуманизм и кенозис человека. Теологические параллели

Далее я предложу свое критическое введение в это новое дисциплинарное поле, которое я определяю как «гуманологию» (*humanology*), а не «постгуманистику». Суть не в конце человека, а в расширении самого понятия «человеческого», которое переходит на всю совокупность сотворенного человеком даже там, где он «кончается» как биологический организм и активный субъект. Как ни пугающие выглядят перспективы исчезновения человека в машинно-информационной цивилизации, важно понять, что такое «исчезновение» заложено в кенотической природе самого человека, его способности к самотрансценденции, перенесению своей сущности в нечто радикально отличное от себя.

Под *кенозисом* в теологии понимается самоопустошение Бога, сначала творящего отдельный от себя мир, а затем умаляющего себя вплоть до принятия человеческого облика (*кенозис, κένωσις*, греч. *опустошение, истощение*, от *κενός*, *пустой*). Как этот кенозис действует дальше, уже в деятельности человека? Человек создает формы техники, способные существовать в автономном режиме, независимо или почти независимо от его прямого вмешательства. Не так ли Бог создает формы мироздания, включая самого человека, способные существовать автономно, без прямого вмешательства Творца свыше? Действие естественных законов мироздания и свободная воля человека не суть аргументы против бытия Творца, напротив, иудеохристианская теология как раз исходит из этих предпосылок суверенности творения. Точно так же и гуманология строит свое представление о человеке на основе его радикальной способности к самоотчуждению, созданию самодей-

ствующих кибернетических существ и искусственного разума. Разве самопреодоление и даже самозабвение человека не есть квинтэссенция человеческого? Если человек создан свободным, по образу и подобию своего Творца, то не может ли он и дальше передавать эту свободу своим творениям, наделять их той же сущеренностью мышления и деятельности, какую сам получил от Бога?

Речь идет о творческой эстафете, передаваемой Богом человеку, а человеком – искусственному разуму. Эта теория *интеллектуальных эстафет* позволяет понять, почему признание автономности будущих высокоразвитых киборгов ничуть не ведет к принижению роли человека. Ведь и признание автономии и свободы человека в мироздании не обязательно ведет к атеизму, отрицанию роли Творца. Иудеохристианская теология именно подчеркивает глубочайшую, неотъемлемую свободу человека как свидетельство его сыновства, укорененности в свободной воле Отца. Признание возможной автономии и даже «своеволия» киборгов может углубить наше представление о человеке, проложить новые пути гуманизму.

Иными словами, гуманология так же относится к постгуманизму (философии смерти человека), как теология – к атеизму (философии смерти Бога). Для атеиста или богооборца свобода человека означает, что «Бог умер»; для воинствующего постгуманиста, «человекоборца», свобода киборга, искусственного разума означает, что «человек умер». Но для теологии такая «смерть Бога» есть лишь знак его бесконечной творческой силы и милости к человеку, способности «самоистощаться» в своих творениях и, через мистерию Богочеловека, смертью попирая смерть, воскрешать и воскрешать к новой жизни. Так же и человек, исчезая и «самоистощаясь» во все более совершенных и автономных творениях своего разума, передавая им свои человеческие свойства (вычисления, коммуникации, моделирования, конструирования, накопления и обмена информации и т.д.), обретает новую, «сверхчеловеческую» жизнь в своих творениях.

Теология постигает волю и образ Бога даже в его предельном самоумалении, его радикальном очеловечивании и осмертвании, когда Бог перестает быть трансцендентным и становится полностью имманентным своему смертному творению. Богочеловек – центр христианской теологии. Точно так же техночеловек – центр новой гуманологии, которая постигает человеческое в самых ра-

дикальных преобразованиях, выводящих его далеко за рамки биологической природы. Даже в тех предельных случаях, когда человеческий разум всецело переходит в искусственный разум его творений и освобождается от своей начальной привязки к биологически активному субъекту, – это тоже область гуманологии. Иными словами, гуманология «растягивает», «расширяет» поле человеческого по сравнению с традиционной сферой гуманитарных наук, которые изучают творческую деятельность человека (историю, искусство, язык, философию), но оставляют в стороне область естественно-научных практик и технологий, как если бы они не были свидетельством о человеке. Но разве самоотчуждение, самопреодоление и даже самозабвение человека не есть квинтэссенция человеческого? Гуманология заходит «за край» гуманитарных наук, именно в те области, где человеческое наиболее радикально изменяет себе, вместе с тем оставаясь собой.

И одновременно гуманология отказывается присоединяться к тем поминкам по человеку, которые справляют недальновидные технократы и футуристы: для них рост информационной мощности машин, их растущая интеграция (между собой) и автономизация (от человека) свидетельствуют о конце человеческого этапа истории. Но правомерно ли само их ключевое понятие «posthuman» (постчеловеческий), которое не только по звучанию, но и по сути сближается с «posthumous» (посмертный)? Предвосхищая новый, «постбиологический» этап развития цивилизации, должны ли мы хоронить человека, отождествляя его тем самым с его биологическим субстратом? Или быть человеком – значит выходить за грань «человеческого, слишком человеческого», по образу и подобию самого Творца, который потому и Творец, что выходит за грань «божественного, слишком божественного», создавая мироздание и в нем – человека?

Сверхчеловек – (само)творение человека

«Трансгуманизм» представляется более оправданным понятием, чем «постгуманизм», поскольку «транс» указывает на движение **через** и **за** область человеческого. При этом между гуманизмом и трансгуманизмом по сути нет никакого противоречия. Ведь именно человеку свойственно быть больше или меньше себя,

заходить за собственный предел (в обе стороны). Термины «гуманизм» и «трансгуманизм» описывают одно и то же отношение человека к самому себе, в котором он выступает и как субъект, и как объект. «Трансгуманное» существо, или, привычнее выражаясь, сверхчеловек, – это субъект того отношения, объектом которого выступает человек.

Когда Ф. Ницше устами Заратустры провозглашает переходность человека, он именно подчеркивает, что создание сверхчеловека – это **дело человека**, что сам человек – это только мост, протянутый между обезьяной и сверхчеловеком.

«И Заратустра говорил так к народу: Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя; а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека? Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека: посмешищем или мучительным позором»¹.

В одном Заратустра ошибается: разве все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя? Какие же это существа – рыбы, змеи, олени? Что они создали выше себя? Это единственное свойство человека, создающего то, что красивее и долговечнее его самого. И грядущий сверхчеловек, каким бы он ни был наделен физическим и интеллектуальным превосходством, – это тоже создание человека, его способность превосходить себя. Именно и только человеку, создающему искусство, технику, цивилизацию, наконец, новые потенциальные формы жизни и разума, свойственно перешагивать через себя, быть мостом к высшей цели. В ницшевской проповеди сверхчеловека нет, по сути, ничего, что не содержалось бы в знаменитой ренессансной речи Джованни Пико делла Мирандола о достоинстве человека:

«...Принял Бог человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: “Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению.

---

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 8.

Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю... Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”»¹.

Если вычесть из Пико делла Мирандолы религиозную составляющую ренессансного гуманизма, то как раз и получится ницшеевский человек, пролагающий себе путь к сверхчеловеку. «...Можешь переродиться по велению своей души и в высшие...» (Пико делла Мирандола). «Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя...» (Ницше). Ницше исходит из той же самой гуманистической темы, только трактует ее менее точно, поскольку ссылается на неведомые «все существа», тогда как у Пико делла Мирандолы именно и только человек может перерождаться (преображенять себя) в нечто высшее.

Но и религиозная составляющая «достоинства человека», по сути, не снимается у Ницше, напротив, приобретает еще большую напряженность. У Пико делла Мирандолы человек поставлен Богом в центр мира, как сверхсущество, у Ницше сам человек пытается стать таким сверхсуществом, превзойти себя, обрести атрибуты Бога. Это выворачивание той же самой трансцендентной, «божественно-бесконечной» складки, которая Ренессансом заложена в существо человека, а теперь разворачивается из него как «сверхчеловеческое» – то, что Жиль Делёз в своей книге о Мишеле Фуко (в главе «Человек и Надчеловек») называет «сверхскладкой».

Делёз так излагает «постгуманистическую» концепцию Фуко, солидаризируясь с нею. В «классической» формации XVII–XVIII вв., у Спинозы, Лейбница, Паскаля, человек – это складка, морщинка на лице Бесконечного, которая должна быть разглажена, чтобы обнаружилась вечная, божественная природа человека. В «исторической» формации XIX в., у Кювье, Дарвина, Адама Смита, Маркса, человек складывается, обретает радикальную историческую конечность, вписывается в контекст языка, эволюции, производства, задается обстоятельствами места и времени. Наконец, в той

---

¹ Речь о достоинстве человека // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. – Т. 1. – С. 507–508.

«формации будущего», провозвестником которой, по Делёзу, стал Ницше, сама складка начинает множиться, человек становится сверхчеловеком, не утрачивая своей конечности, но как бы много-кратно ее воспроизводя в перспективе «вечного возвращения». «Сверхскладчатость» можно обнаружить в бесконечной саморефлексивности современной литературы и искусства, в множающихся спиралях генетического кода, в самоорганизации хаоса и других сложных, случайностных процессов, в бесконечно делимых и самоповторяющихся узорах фракталий. Это уже не трансцендентно (теологически) бесконечное, сморшившееся в человека, но все еще поддающееся разглаживанию, выявлению своей божественной природы (как в XVII–XVIII вв.). И это уже не исторически конечное, которое глухо и бесповоротно замкнулось в себе, стало вполне земной, преходящей человечностью (как в XIX в.). Это **бесконечно множимая конечность**, историчность, которая сама трансцендирует себя, устремляясь к предельной интенсивности, к сверхчеловечности. По Делёзу, эта новая формация, открывшаяся XX и XXI вв., по своему творческому потенциалу ничем не уступает двум предыдущим, а может быть, и превосходит их¹.

Если принять этот взгляд, очевидно, что никак не приходится говорить о конце человека – скорее, о начале его самоумножения в виде «сверхскладки», «сверхчеловечества». **Быть человеком – это и значит становиться сверхчеловеком.** Человеческое возводится в высшую степень интенсивности, расширяет свой диапазон в бытии, создавая вторую, в перспективе самодействующую и самомыслящую природу. **Гуманология** – это и есть наука о человеке, **переступающем свои видовые границы**, наука о **трансформациях человеческого в процессе создания искусственных форм жизни и разума**, потенциально превосходящих биологический вид *homo sapiens*.

Экология человека

До недавнего времени в распоряжении ученых была только одна, естественная, форма жизни и одна, человеческая, форма разума,

---

¹ The Deleuze reader / Ed. and with an introduction by Constantin V. Boundas. – N.Y: Columbia UP, 1993. – P. 95–102.

исследование которых не позволяло прийти к обобщениям о природе жизни и разума именно потому, что они были доступны для наблюдения только в единственном числе, тогда как обобщение требует сравнения разных форм одного явления. Гуманология рассматривает человека в ряду не только **внеразумных форм жизни** (растений и животных), но и **внебиологических форм разума**, как элемент некоей более общей парадигмы, как «одного из»: в ряду гуманоидов, киборгов (киберорганизмов), роботов.

Постепенно в этих расширенных рамках человеческое приобретает ту специфику, которой раньше обладали только его подвиды – нации и этносы в составе человечества. Глобализация, т.е. объединение наций в техно-экономически-культурную целостность человеческого рода, происходит одновременно со **спецификацией и даже «нацификацией» самого человечества как одного из видов (species) разумных существ**. Такая «постановка в ряд» сужает значение данного элемента и одновременно маркирует его, выделяет как особо значимый. У феномена человека появляется как бы грамматическая форма, «падеж» со своим определенным значением, тогда как раньше он был внесистемным феноменом, единственным субъектом и объектом гуманитарных наук. Теперь мы начинаем рассматривать человека как **одну из фигур ноосферы**, и он получает дополнительные **дифференциальные признаки**. Гуманология обогащает тот язык, которым мы говорим о человеке, вносит в гуманитарные науки новую парадигму: человек в его отличии от других форм разума. Тем самым **гуманология выделяется из круга традиционных гуманитарных наук**, конституирует себя как новую науку о человеке.

Машины, техника, компьютеры все более овладевают традиционными областями человеческого мышления и действия (вычисление, конструирование, производство, строительство, накопление и обмен информацией и т.д.). Соответственно и человеческое, в его несводимости к этим человекообразным функциям машины, все более воспринимается как нечто **редкое, диковинное, удивительное**, не просто «поглощается», но «дегустируется», у него появляется особый, благородный вкус и запах, как у старинного вина. Нужна высокоразвитая техническая цивилизация, чтобы запечатлеть образ человека на таком **экологическом уровне**: тело, прикосновение, взгляд, разговор по душам, вера, надежда, «любви старинные туманы». Возникает примерно такое же **отстраненное**

и остраняющее отношение к человеку, как к природе в рамках экологии, – отношение издалека, как к исчезающему виду. Уже в XVIII–XX вв. объектом такого экологического внимания и ностальгического влечения наряду с первозданной природой становятся первобытные народы, архаические и традиционные культуры, т.е. человек как предмет этнографии или культурной антропологии. Эта перспектива расширяется в будущее. Постепенно и **современный человек** будет передвигаться в область **экологического** внимания и заботы, поскольку «современность» будет все более осознаваться как техносреда, из которой человеческая телесность и индивидуальность выпадают «в осадок», как рудимент давней стадии развития разума – «полудикой», промежуточной между природой и культурой, полуестественной-полуискусственной.

Соответственно этому новому мироощущению возникает и **гуманология – дисциплина, которая относится к гуманитарным наукам, как экология – к наукам естественным**. Физика и биология изучают природу «как таковую», тогда как экология рассматривает ее во взаимоотношении с человеком, как часть человечески формируемой среды. Подобным же образом гуманитарные науки изучают «человека как такового», тогда как гуманология изучает человека как часть технически формируемой среды, как один из видов разумных существ, «биовид» (разумный организм), наряду с возможными «техновидами» (разумными механизмами). Гуманология также изучает способы взаимодействия между био и техно в человеке, технизацию организма и очеловечивание машины.

Вслед за природой, которая интегрируется в состав растущей всепланетной цивилизации, и человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техническую среду. Функция человеческого, возможно, будет закрепляться за искусственно изолированными, охраняемыми территориями, «антропопарками», вроде того, как природа в настоящем, «первозданном» виде уже сейчас существует за оградой искусственных заповедников. Само естественное становится функцией искусственного, предметом культивации и консервации. Такие **планации, или заповедники, или натуральные музеи человеческого** будут принимать самые причудливые формы, как некомпьютеризованные островки давно прошедшей «естественной цивилизации».

Как пример только что зародившегося **гуманологического предмета** можно привести рукописание – маленький заповедник человеческого в мире компьютерной печати. Моя рука, уже привыкшая нажимать клавиши с готовыми буквами, вдруг заново ощущает свою **человечность**, водя пером по бумаге. Раньше акт письма не воспринимался как собственно человеческий, поскольку он имел функциональную нагрузку: передача информации. В компьютерный век письмо, уступая эту функцию машине, заново открывает свою телесность. Писание – способ касания бумаги и символическое прикосновение к адресату, будущему читателю; откровение о личности, интимное обнаружение психомоторных свойств автора. Писание – это нечто «диное» в сравнении с печатанием: ритуальная пляска руки, разновидность танцевального искусства... Как видим, сам этот предмет – письмо – существовал издавна, но **предметом гуманологии** становится впервые именно в своем исчезающем и новооткрытом качестве: как устаревший способ коммуникации, как проявление тактильно-жестикулярных свойств, как рецидив иrudимент человеческого в постчеловеческой цивилизации. Недаром появляется даже такой термин: «мокрая подпись» (wet signature), т.е. традиционная чернильная подпись, в отличие от просто подписи (без эпитета), под которой уже понимается электронная, цифровая идентификация. Техническая человеческих способностей, их передача машине ускоряет процесс архаизации и экологизации самого человека как природного существа.

Гуманология в системе наук о человеке

На рубеже XX–XXI вв. вырисовывается новое соотношение между тремя основными дисциплинами изучения человека: **антропологией, гуманитарными науками и гуманологией**. Разница между ними соответствует трем основным эпохам в развитии цивилизации: доисторической, исторической и постисторической.

Антрапология изучает человека как биологический вид, важнейшей особенностью которого является культурная эволюция, как отдельную ветвь естественной эволюции животного царства. Предмет антропологии – физиология, раса, этнос, примитивные

формы хозяйства и религии, генетические и культурные свойства, специфические для вида *homo sapiens* в его переходе из природы в культуру. При этом культура берется в своих ранних, нерасчлененных, синкетических формах, в связи и по контрасту с природой, а не в исторически более поздних внутренних своих разделениях.

Гуманитарные науки изучают человека как суверенного субъекта, творца и распорядителя всей окружающей знаковой, культурной вселенной. Они имеют дело с различными областями развитой и дифференцированной культуры, целенаправленными творческими усилиями человека: философией, нравственностью, языком, литературой, искусством, историей, психологией... Отсюда и множественное число слова *humanities*, указывающее на расчлененность и многообразие человеческих способностей.

Гуманология изучает человека как часть техносферы, которая создается людьми, но постепенно объемлет и растворяет их в себе. Человек предстает как создатель не только культурной среды, но и самодействующих форм разума, в ряд которых он сам становится – создатель среди своих созданий. Если антропология изучает специфические признаки человека среди других живых существ (животных и особенно высших приматов – гоминидов), то гуманология изучает специфические признаки человека среди мыслящих существ, умных машин и техноорганизмов (муже- и женоподобных – гуманоидов, андроидов, гиноидов).

Таким образом, гуманология **зеркально симметрична** по отношению к антропологии, поскольку обе эти дисциплины обращаются к пороговой ситуации человека на границах с природной и технической средой. Предмет антропологии – человечество, **вырастающее из природы**; предмет гуманологии – человечество, **врастающее в технику**, которую оно само создает.

Гуманология имеет дело с человеческим в плане его **интеграции** или **контрата** с машиной. Гуманология изучает то, что остается человеческого в человеке после присвоения его разумных функций мыслящей машиной, и то, что происходит с машиной по мере ее поумнения и очеловечивания. Гуманология – это **экология человека**, но вместе с тем и **антропология машины**, т.е. наука о взаимном перераспределении их функций, о **технизации человека и гуманизации техники**. У слова «человекообразный» появляется новый референт – машина. Раньше нелепо было прилагать меру и понятие человека к таким приборам, как паровая машина, рычаг

или телескоп, поскольку они имитировали и усиливали лишь отдельные функции человеческого организма (рука, глаз и т.п.). Но мыслящая машина, которая начинает усваивать одну из основных функций мозга, вычислительную, уже достойна называться человекообразной, даже если внешне она не похожа на человека.

Таким образом, гуманология возникает вследствие перехода человека в новую, активно-эволюционную, искусственно-техническую фазу развития. Человек уходит в прошлое как биовид и переходит в будущее как техновид, мыслеформа, киберорганизм (киборг), свободная генетическая и / или технологическая фантазия. Предмет гуманологии – это **человеческое, которое остается за пределом машины, и человеческое, которое интегрируется в машину.**

Двуединство гуманологии отражает двунаправленную эволюцию самого человека как **natura naturata** и **natura naturans**, как природного творения и творца второй, искусственной природы (культуры, техники). Человек одновременно экологизируется – как природное творение и техницируется – как творец автономных форм искусственного разума. Судьба человеческого в перспективе этих радикальнейших трансформаций – развилка между биозаповедником и техновселенной¹.

Соответственно возникают два направления в гуманологии:

эко-гуманология – о человеке как выходце «консервативной», природной среды, страдающем, смертном существе, физически несовершенном, творчески одаренном, культурно дерзающем; о специфике человека, не сводимой к машине;

техно-гуманология – о функциях человека, передаваемых машине, интегрируемых в новых техно-организмах, способных к

¹ Разумеется, нельзя исключить и третьего варианта: будет найден счастливый синтез биологического и технического, который позволит жизни не отставать от разума, сопутствовать ему в скорости информационных обменов и вселенской экспансии. Возможно, что генетика окажется медиатором между органической природой и техническим разумом, позволяя создавать новые формы жизни, обладающие бессмертием, бесконечной информационной емкостью и физической приспособляемостью, способные к быстрой эволюции. Этот вариант, обсуждавшийся еще С. Лемом в «Сумме технологии» (*Lem S. Summa technologiae. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1964. – 501 s.*), заслуживает отдельного рассмотрения, которое выходит за рамки данной статьи.

дальнейшему самостоятельному развитию и все менее зависимых от их прародителя, *homo sapiens*.

* * *

Человек – биологически и интеллектуально ограниченное существо: у его органов чувств узкий диапазон восприятия, у его мозга слабая память и медленный темп переработки информации, у его тела ограниченный запас выносливости и краткий срок жизни, и все это сокращает эволюционный потенциал человека как вида. Возможны, по крайней мере гипотетически, более успешные, конкурентоспособные формы искусственной жизни. **Переступая границы своего вида, человек становится одновременно больше и меньше себя.** Меньше, потому что он уже не краса и цель творения, не пик эволюции, каким воображал себя с эпохи Возрождения, но только точка перехода от органической к технической эре, *от мира природы к миру культуры*, где возникают все более свободные от него, самодействующие системы разума. С другой стороны, человек превосходит себя в своих сверхчеловеческих созданиях. Происходит одновременно истощение, исчерпание человека как отдельного вида и распространение человеческого за его биологический предел.

Подобно кенозису Бога, который воплощается в слабой, смертной человеческой плоти, чтобы наделить людей даром обожения, люди истощают себя в своих творениях, мыслящих машинах, чтобы передать им свою человечность, способность мыслить, свою мечту о бессмертии, всезнании и всемогуществе. В XXI в. гуманитарные науки могут пережить кризис, подобный кризису теологии в XX в. Кенозис Бога, его самоистощение в человечестве дальше переходит в **кенозис человека**, его самоистощение в новейших технологиях.

Гуманология и есть попытка осмыслить эту перспективу «творческого исчезновения» человека. Наряду с **«а-теологией»**, которая исследует Бога в формах его отсутствия, молчания, нен участия и даже «смерти Бога», можно представить себе **«а-гуманитарное»** исследование, которое рассматривает феномен человеческого в его отчужденно-опустошенных и даже деградированных формах, таких как порожденные дурным намерением

или ошибкой колонии компьютерных вирусов. Гуманология тем самым переступает предел гуманитарных наук, которые имели дело с «человеческим, слишком человеческим». Само человеческое ставится под вопрос, проблематизируется в этой новой теоретической модели. Но тем самым человеческое и обнаруживает впервые свой подлинный масштаб – способность создавать нечто, независимое от своего создателя¹.

---

¹ О гуманологии в контексте других методологических проблем гуманитарных наук см.: Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: НЛО, 2004. – 864 с.; Epstein M. The transformative humanities: A manifesto. – N.Y.; L.: Bloomsbury Academic, 2012. – 318 p.